

Глава 37

Тревоги игрушек

— С сегодняшнего дня я ваш предводитель, — объявил Чэнь Син, заложив руки за спину.

Игрушки:

— ...

Пожарная машина и бронетранспортёр играли в «камень-ножницы-бумага», но так и не смогли определить победителя. В конце концов они сдались, распластались на полу и уставились в потолок.

— И это ваше отношение к предводителю? — спросил Чэнь Син.

— Докладываю, сэр! — поднял передние лапки компсогнат. — Вы уже в седьмой раз напоминаете, что вы наш предводитель.

Чэнь Син и другие роботы замерли, переглянувшись.

— Правда? — неуверенно спросил Чэнь Син.

— Правда-правда! — на этот раз ответил кусочек пазла из «дотрёхлетних». — Ты уже много-много раз представлялся!

Силиконовая погремушка, застрявшая в стеллаже, вдруг разрыдалась.

— Предводитель! Я застряла!!

— А? — Чэнь Син не успел среагировать, как услышал крик о помощи. Ему пришлось отложить свои сомнения и бежать спасать погремушку.

Маленький кусочек пазла гулял по столу и случайно столкнулся вниз стеклянный шарик. Пазл замер, а потом лёг на пол и тоже захныкал.

— Предводитель! Я в штаны наложил!

Чэнь Син, всё ещё вытаскивавший погремушку, поднял голову и растерянно переспросил:

— А?

Другой кусочек пазла детским голосом поправил своего друга:

— Ты не можешь в штаны наложить! Ты — кусочек пазла.

— Но что-то упало!

— Это стеклянный шарик!

— Могу!

— Не можешь!

— А-а-а! — тот, кто утверждал, что «наложил в штаны», вдруг набросился на другого, и они сцепились в драке.

Они колотили друг друга, издавая пронзительный визг, который показался Вану до боли знакомым.

Ван прикрыл то место, где у него должны были быть уши.

— Боже мой, да сколько раз в день они это устраивают?

Эти «дотрёхлетние» игрушки постоянно ссорились и мирились.

Ван и одного ребёнка терпеть не мог, а когда их собиралось столько... это был сущий ад.

Но, к счастью, эти дети были не его заботой. Теперь, когда Чэнь Син назвался «предводителем», ему и отвечать за этих «старых солдат».

— Мои старые товарищи просто очень энергичные, правда, — сказал Ле Янь, сидя рядом с Тао Фаньи и Ваном. — Ха-ха, они всегда такими были.

Чэнь Син и его соратники с трудом вытащили погремушку, а потом им пришлось разнимать два дерущихся кусочка пазла.

Но трёхлетние дети в гневе не слушают доводов. Чэнь Син отчитал оба кусочка пазла, и те разрыдались.

А когда заплакали они, за ними заревели и все остальные «дотрёхлетние» игрушки.

— Боже мой, — Ван до крови расчесал себе виски.

Ле Янь шмыгнул носом, его голос дрогнул.

— Мои товарищи просто очень эмоциональные.

Тао Фанъи:

— Ты тоже хочешь плакать? — в конце концов, Ле Янь тоже был подарком на трёхлетие.

— Не... нет, — Ле Янь изо всех сил старался сдержаться.

Тао Фанъи достал свой портфель. Его руки были слишком короткими, поэтому он попросил Вана помочь ему.

Портфель в руках Вана увеличился, и тот нашёл внутри то, что искал Тао Фанъи — игрушечные бутылочки с напитками.

Он достал три бутылочки.

— В твоём портфеле нет алкоголя?

— Я не люблю алкоголь, — ответил Тао Фанъи. — Я не могу опьянеть, чувствую только неприятный острый вкус.

— Понятно, — Ван тоже не мог опьянеть. Это была заслуга его родителей — он родился с уже развитой духовной силой, и алкоголь на него не действовал.

Они расставили три бутылочки и принялись болтать под аккомпанемент плача «трёхлетних».

Тао Фанъи схватил бутылочку передними лапками, но понял, что не может поднести её ко рту.

Ван взял у него бутылочку и, держа её в своих пальцах, начал поить Тао Фанъи.

— Спасибо, — сказал ему Тао Фанъи.

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что такое настоящее добро, — Ван решил быть к Тао Фанъи

поласковее, чтобы того в будущем не обманул какой-нибудь негодяй.

— Ты — самый лучший ребёнок, — Тао Фанъи похлопал Вана по пальцу.

Похвалив Вана, Тао Фанъи посмотрел на Ле Яня.

Тот явно наслаждался напитком. Хотя он и был нематериальным, Ле Янь чувствовал вкус газировки, которую очень любил.

— Ле Янь, почему у тебя сохранились все воспоминания? — спросил Тао Фанъи.

— М? — Ле Янь очнулся от газировочного блаженства.

— Я имею в виду, у игрушек, покинувших игровую, память ведь форматируется? — сказал Тао Фанъи. — Они даже забывают, кто они.

— Когда я появился, диких земель ещё не было, — объяснил Ле Янь. — Тогда мы могли ходить куда угодно, и хозяин брал нас с собой в разные места.

Ле Янь взмахнул рукой.

— Весь мир был нашей игровой площадкой.

К ним подошли несколько фантазий.

Тао Фанъи и им раздал напитки.

— Жаль, что нас тогда не было, — сказала одна из фантазий. — Тетрадь с нашими историями тогда была в другом доме. Если бы мы были здесь, может, наш создатель и не вырос бы.

Тао Фанъи взглянул на говорившего.

— Я не имел в виду ничего плохого! — фантазия в испуге подняла руки. — Я просто подумал! — он боялся, что Тао Фанъи снова заставит его писать объяснительную на десять тысяч иероглифов.

Ле Янь продолжил:

— К тому же, я был первой сильной человекоподобной игрушкой. Тогда хозяин любил меня больше всех.

— Но это счастье длилось недолго. Обстановка ухудшилась, — сказал Ле Янь. — Я помню, как однажды хозяина его родители отвели в тюрьму.

— В тюрьму? — не понял Ван.

— В детский сад, — уточнил Ле Янь.

— А-а... — понял Ван.

— С того дня мир изменился. За пределами игровой стало небезопасно, и мы с товарищами постепенно отступали, — объяснил Ле Янь. — В итоге нас заперли в игровой.

— Я не пытался сбежать, потому что видел, как наша территория с каждым днём уменьшается. К тому же, с тех пор хозяин ни разу не выносил меня из игровой, — Ле Янь всегда предупреждал каждую новую игрушку о том, как пустынные земли за пределами комнаты.

Тао Фанъи всё понял.

— Потому что ваш хозяин повзрослел.

Сначала Лю Сюаньюн считал весь мир своей игровой площадкой. Он мог свободно выражать свои мысли, и в этом возрасте дети часто говорят всё, что думают.

Но постепенно чувства Лю Сюаньюна усложнились, он начал замечать «других», и его личное пространство стало сжиматься.

Поэтому мир за пределами игровой перестал быть его раем, а значит, и раем для этих игрушек.

— Так происходит со всеми? — Ле Янь посмотрел на фантазий. — С двоюродными братом и сестрой было так же?

Одна из фантазий подняла руку.

— Не спрашивай меня, я не знаю. Я вообще не знаком с игрушками из детства моего создателя.

Другая фантазия скривилась.

— Я бы с радостью ответила, но наш создатель был учеником средней школы, когда нас придумал. Учеником средней школы, понимаешь? Не первоклашкой.

Ван, глядя, как эти детские фантазии соревнуются и презирают друг друга, потёр виски.

«Тебе это кажется утомительным?» — мысленно спросил его Тао Фанъи.

«Немного», — на самом деле, этих раздражающих эмоций было гораздо больше, но Вану сейчас нужно было поддерживать положительный образ. Он должен был показать Тао Фанъи, что такие настоящие здоровые отношения.

Ван как раз об этом думал, когда почувствовал, как чья-то рука легла ему на лицо.

Он замер, а потом увидел, что рядом с ним сидит Тао Фанъи, чьё лицо было скрыто чёрным туманом.

«Снова барьер открыл?»

«Почему Тао Фанъи так легкомысленно открывает барьер? Разве он не для драк?»

Тао Фанъи сидел слева от него, но его рука обогнула спину Вана и легла на правую сторону его головы, мягко надавив.

Ван не сопротивлялся и позволил уложить себя на колени Тао Фанъи.

А рука Тао Фанъи легла ему на бок и время от времени похлопывала.

Ох...

Ван осторожно пошевелился, устраиваясь поудобнее.

Игрушки и фантазии всё ещё болтали, а фоном для их разговора служили плач «трёхлетних» и панические крики Чэнь Сина.

Невыносимо шумно.

Но...

Ван, лёжа на коленях Тао Фанъи, медленно повернул голову и посмотрел на него.

Тао Фанъи не смотрел на него. Он наблюдал за игрушками, а его лицо было скрыто чёрным туманом. Ван видел только его подбородок и кадык.

Когда Тао Фанъи говорил, его кадык двигался, а когда смеялся, Ван чувствовал лёгкую вибрацию.

Знакомое и в то же время незнакомое чувство.

В детстве Ван часто зарывался в живот Вэньжэнь Хуайшу.

Вэньжэнь Хуайшу была большой тигрицей и любила спать, придавив своего детёныша.

Ван Цян был таким же. Ухаживая за сыном, он любил окружать его со всех сторон.

Но сейчас всё было иначе.

Ван потёрся о Тао Фанъи. Тот не понял, что он делает, но инстинктивно подложил другую руку ему под голову.

Тао Фанъи посмотрел на Вана, а потом снова поднял голову и продолжил разговор.

Странное чувство.

***

— Ты можешь это понять? — Вэньжэнь Фу метался по своему барьеру. — То есть, его рука лежала у меня на талии. Он не обнимал меня крепко, но я чувствовал себя так, словно меня сжали в объятиях.

— Раньше я чувствовал такое, только когда родители меня тискали, — Вэньжэнь Фу схватился за голову.

— Я не знаю, как это описать, — Вэньжэнь Фу водил руками перед грудью. — Он мне нравится из-за его силы, его невероятной силы. Всех ведь привлекает сила, верно? Это естественно.

Загнанный в угол, весь в ранах, свирепый призрак с ужасом смотрел на Вэньжэнь Фу. Он дрожал и не мог ответить на его вопрос. Он медленно пополз, пытаясь сбежать.

— Но он ведёт себя совсем не как сильный. То есть, он слишком... слишком нежный, и немного простодушный, — Вэньжэнь Фу продолжал метаться. — Честно говоря, когда я впервые это заметил, я немного разочаровался. Его наверняка подавляли.

— Его подавляли, верно? — Вэньжэнь Фу притащил призрак обратно.

Тот задрожал ещё сильнее.

— Ты убил столько людей, чего ты боишься? — Вэньжэнь Фу отшвырнул призрака.

— Но сейчас мне кажется это странным, — снова заговорил сам с собой Вэньжэнь Фу. — Хотя он и утешает, как ребёнка, но, но что...

— Нет! Я сейчас не могу мыслить так рационально! — Вэньжэнь Фу не мог сейчас анализировать характер Тао Фанъи. Ему просто хотелось дотронуться до его кадыка.

Просто хотелось подшутить.

Поиздеваться над Тао Фанъи.

В этот момент Ван, уютно устроившись на коленях Тао Фанъи, вдруг протянул руку и пощекотал его в бок.

Он пощекотал его несколько раз, пока Тао Фанъи не схватил его за запястье.

Тао Фанъи посмотрел на него. Хотя его лицо и было скрыто туманом, Ван был уверен, что тот улыбается.

Тао Фанъи отвёл руку Вана, наклонился и очень тихо произнёс:

— Я не боюсь щекотки.

— Ух-ты! — Вэньжэнь Фу поспешно прижал руки к ушам.

Голос Тао Фанъи был низким, и когда он говорил так мягко, Вэньжэнь Фу чувствовал, будто его мозг легонько погладили.

— Я так и знал, ха! — Вэньжэнь Фу знал, что Тао Фанъи отреагирует на его неуместную выходку.

Эта шалость, которую и шалостью-то назвать было нельзя, привела Вэньжэнь Фу в возбуждение.

— Я так и знал, что он так сделает!

Призрак заскулил.

А Вэньжэнь Фу уже готовился повторить.

***

Ван ткнул пальцем в колено Тао Фанъи.

Тао Фанъи посмотрел на него и спросил, что случилось.

Ван ответил, что ничего.

Когда Тао Фанъи отвернулся, Ван снова начал его тыкать.

Так повторилось четыре или пять раз, пока Тао Фанъи это не надоело.

— Не хочешь отдыхать — вставай.

Тао Фанъи поднял Вана, но тот, побарахтавшись, снова лёг обратно.

Тао Фанъи снова его поднял, Ван снова лёг.

После трёх-четырёх таких попыток Тао Фанъи сдался.

— Отдыхай так отдыхай, но не балуйся.

Тао Фанъи не знал, что в этот момент Вэньжэнь Фу сидел на корточках и хихикал.

«Он сказал, что я надоедливый, ха-ха-ха», — Вэньжэнь Фу с трудом сдерживал своё возбуждение.

Лежавший рядом призрак решил, что он сошёл с ума.

«Сказал, что надоедливый, хе-хе-хе», — Вэньжэнь Фу, закрыв глаза, мог ощутить прикосновение и тепло Тао Фанъи.

Он чувствовал его беспомощность.

Вэньжэнь Фу был так возбуждён, что не находил себе места.

Затем он резко посмотрел на призрака.

Призрак:

— ...

Через некоторое время Вэньжэнь Фу, напевая, принял душ. Он покачивался в такт своей песне и даже подмигнул своему отражению в зеркале.

— Немного самовлюблённо, — сказал сам себе Вэньжэнь Фу.

А потом хмыкнул.

— А кто с такой внешностью, как у меня, не будет самовлюблённым?

Приняв душ, он ещё немного любовался собой в зеркале.

Раньше Вэньжэнь Фу так не делал. Он знал, что красив, но внешность не была его главной целью.

А сейчас Вэньжэнь Фу с интересом разглядывал себя.

Лицо идеальное, фигура тоже неплохая.

Просто неплохая?

Вэньжэнь Фу смотрел, как капли воды стекают по его мускулам.

Вэньжэнь Фу возбуждённо улыбнулся.

— Просто идеально.

Он вытерся, высушил волосы и лёг в постель.

Закрыв глаза и сосредоточившись на Ване, он чувствовал, как рука Тао Фанъи всё ещё легонько похлопывает его по боку.

Вэньжэнь Фу хотел, чтобы это ощущение длилось дольше, чтобы возбуждение не уходило, но его быстро начало клонить в сон.

«Почему я хочу спать?»

Вэньжэнь Фу попытался снова открыть глаза, но веки были такими тяжёлыми.

Он так недолго радовался.

— Засыпаешь? — снова раздался у него в ушах голос Тао Фанъи.

Губы Вэньжэнь Фу слегка дрогнули в улыбке, и он погрузился в глубокий сон.

***

Тао Фанъи, глядя на спящего Вана, погладил его по волосам.

Ван заснул ещё крепче.

— Убаюкал его? — спросил Дух клинка у Тао Фанъи.

— Да, он так мило спит, правда? — Тао Фанъи дотронулся до уголка рта Вана.

Дух клинка не стал комментировать. Он никак не мог понять, что милого в мужчине, у которого на лице только рот.

К тому же, этот рот занимал половину лица и был полон острых зубов.

Во сне Ван не контролировал размер своего рта, и это выглядело ещё более жутко.

— Я вас всех убью, — пробормотал Ван. — Останусь только я, идеальный.

Дух клинка:

— ...

Дух клинка посмотрел на Тао Фанъи.

— Ты слышал, что он только что сказал?

— Ха-ха-ха, он часто такое говорит во сне, — Тао Фанъи похлопал Вана по щеке и снова переключил своё внимание на игрушки.

«То есть, это можно просто проигнорировать? Точно всё в порядке?»

Игрушки и фантазии всё ещё соревновались друг с другом.

А почти забытый всеми Ле Янь вдруг понял главное:

— То есть, у двоюродных брата и сестры тоже были фантазийные игрушки, просто они сейчас слишком взрослые и уже забыли о них.

— А может, их просто не перенесли сюда, — сказала другая игрушка.

— Нет-нет-нет! — перебила Ле Яня София. — Погодите.

Она перелезла через стеллаж, забралась в коробку двоюродной сестры и, порывшись, вытащила оттуда плюшевого мишку размером с ладонь.

София вытащила сплющенного мишку и показала его всем.

— Представляю вам... э-э... это... в общем, это медведь, — её создательница забыла имя этого медведя, так что она и подавно не помнила.

Игрушки, занимавшиеся своими делами, собрались вокруг.

София потянула мишку за бантик.

— Он был с нами в той коробке, но ни разу не ожил. Знаете почему?

Деревянный молоточек, который только что плакал, помахал мишке.

— Привет!

София с улыбкой помахала в ответ лапкой мишки.

— Привет!

Молоточек восторженно запрыгал.

София изменила тон.

— Но ему совсем не хорошо! Он уже умер!

Молоточек разрыдался, а за ним и все «трёхлетние» игрушки.

Чэнь Син, только что успокоивший их:

— ...

Игрушки серии «Чэнь Син» грозно двинулись вперёд.

— Ты нарушаешь порядок!!

— Я просто говорю правду! Это и есть реальность! Такова правда этого мира! — София указала на Чэнь Сина. — Ты всего лишь младшеклассник, ты не знаешь, что тебя ждёт в будущем!

— На самом деле, те «дотрёхлетние» игрушки давно умерли, просто этот внешний жёсткий диск помог их сохранить! — София указала на Духа клинка.

— Внешний жёсткий диск? — материальные игрушки ничего не поняли.

— Посмотрите на свои глупые маленькие головки, — София саркастически усмехнулась. Перед этими глупцами она снова стала той самой уверенной в себе злодейкой. — Вы даже не знаете, что такое внешний жёсткий диск, и при этом уверены, что можете управлять своей жизнью?

Дух клинка прошептал на ухо Тао Фанъи:

— Подростки всегда так любят открывать для себя «тёмную сторону жизни».

— Нельзя требовать слишком многого, — ответил Тао Фанъи, а потом не удержался и добавил:
— Подростки иногда бывают очень страшными.

Дух клинка:

— Согласен. Кстати, этот у тебя на коленях, если убрать нолик, тоже ведь подросток.

Тао Фанъи:

— ...Нельзя так считать.

София продолжала свою речь:

— Вы не понимаете, что такое взросление! Вы не понимаете боль, которую оно приносит!

— наших создателей будут ранить со всех сторон, а они будут винить во всём взросление! Они будут гордиться тем, что преодолели боль, хотя могли бы её и не касаться! — София сжала кулак. — Мы дали им возможность видеть сладкие сны, а они не захотели! Им нужно это чёртово взросление!

Она указала на фантазий двоюродного брата.

— Их создатель даже завёл собственных детей! Этот новорождённый ребёнок может мечтать сколько угодно, а мы не можем, мы должны уступить место их миру! С какой стати?!

Крепкий мужчина-фантазия заплакал.

— Ведь у нас он мог быть героем, а он предпочёл вернуться и стать программистом с редеющими волосами.

София кивнула.

— А потом их поглотит семья, они будут работать как роботы до сорока, до пятидесяти лет, и они не будут счастливы! Этот мир их изменит, они забудут, что такое настоящее счастье!

— А вы! Вы будете забыты ещё до этого! — палец Софии ткнулся в лицо Чэнь Сина.

— Чэнь Син никогда не будет забыт! — сказал Чэнь Син. — Мы — поборники справедливости!

— О? Поборники справедливости? — София схватила наблюдавшего со стороны Ле Яня и нажала на кнопку у него на спине.

Из тела Ле Яня раздалась классическая фраза: «Я — Ле Янь, и я буду сражаться за справедливость!»

— О-хо-хо, угадайте, сколько здесь игрушек — поборников справедливости? — София склонила голову набок.

Затем она повернулась к игрушкам и громко спросила:

— Кто здесь на стороне справедливости, поднимите руки!

Почти половина игрушек подняла руки.

— Ха-ха-ха, смешно, правда? — София подобрала лежавшего рядом мишку и тоже подняла его лапку.

Она подняла одну лапку мишки.

— Я — поборник справедливости! Угадайте, что со мной сейчас?

Она бросила мишку на пол.

— Умер!!

«Трёхлетние» игрушки снова разрыдались.

— Его здесь больше никто не помнит, никто не любит, никому до него нет дела. И он больше никогда не встанет, чтобы рассказать свою историю, — холодно усмехнулась София. — Учитесь справляться с одиночеством, младшеклассники!

Лицо Чэнь Сина стало растерянным.

— Так вы теперь собираетесь бунтовать? — спросил их Дух клинка.

София взглянула на Тао Фанъи.

Тао Фанъи сказал:

— Всё те же десять тысяч иероглифов.

— Я ничего не буду делать, но мой дух будет вечно бороться! — София очень не хотела писать десять тысяч иероглифов, тем более каллиграфическим почерком. — До самой смерти!

Ле Янь, глядя ей в спину, снова отхлебнул газировки.

Газировка и вправду была очень вкусной.

Чэнь Син, глядя на беспорядочные каракули на теле Ле Яня, замолчал.

Ле Янь потянул Тао Фанъи.

— Дядя-главнокомандующий, я могу теперь пойти с хозяином в школу? — сейчас его двигала

сила, данная Тао Фанъи.

— Можешь. Я наложу на тебя чары невидимости. Только будь осторожен, когда переходишь дорогу, — сказал Тао Фанъи.

— Ты его не слишком балуешь? — Дух клинка считал это рискованным.

— Он не живое существо, а всего лишь фантазия младшеклассника. Ничего серьёзного он не натворит, — Тао Фанъи не видел в этом проблемы.

— Ура! — Ле Янь вскинул руки вверх.

Они ещё немного поболтали, а потом Тао Фанъи убрал барьер. Голова Вана вдруг упала на пол, и он проснулся.

Кто-то собирался войти.

Игрушки поспешно разбежались по своим коробкам.

Чэнь Син пробежал несколько шагов в сторону своей коробки, а потом вдруг остановился и повернулся к Ле Яню.

Ле Янь забрался на коробку двоюродного брата. Его раскраска была беспорядочной, а его местоположение говорило о том, что хозяин его забыл.

Наверху была коробка двоюродной сестры. Сплюснутый плюшевый мишка был завален другими игрушками.

Чэнь Син некоторое время смотрел на мишку, а потом снова на Ле Яня.

Рано или поздно их хозяин тоже станет таким, как его двоюродные брат и сестра. У него больше не будет чистой радости. Сначала материальные игрушки, потом фантазии, а в итоге — большую часть времени он будет проводить в не очень-то счастливой реальности.

— Чэнь Син!! — крикнул его подчинённый с зелёной окраской.

— О-о, иду! — Чэнь Син побежал обратно в коробку, его голова была повернута к двери.

Он увидел, как Лю Сюаньюн толкнул дверь и вошёл.

Его создатель был уверенным в себе и полным чувства справедливости. Чэнь Син считал Лю Сюаньюна лучшим ребёнком на свете.

Он был уверен, что и другие игрушки думали так же.

Ле Янь всё ещё был в поле его зрения. Кажется, он, пользуясь слепой зоной, выглянул в сторону Лю Сюаньюна.

«Кто может не любить этого ребёнка?»

«Неужели этот мир будет к нему так жесток?»

Ван зевнул и посмотрел на Лю Сюаньюна.

— О, уродец-сом приплыл.

Чэнь Син:

— ...

«Да, этот мир очень недружелюбен».

Стоявший рядом Дух клинка решил, что Ван слишком грубо отзывается о внешности ребёнка.

— Он не такой уж и уродливый.

Чэнь Син решил, что Дух клинка прав. Лю Сюаньюн был не просто не уродлив, он был очарователен!

— Ха-ха-ха! Не уродливый! — развеселился Ван и хлопнул себя по бедру. — Я знаю, что он — твоё перерождение, и ты хочешь его защищать, но нельзя же так врать в глаза, ха-ха-ха.

Чэнь Син:

— ...

— Неважно, в будущем ему ещё не раз об этом скажут, — Ван подпёр голову рукой. Он был немного раздражён, ему хотелось ещё поспать.

— В последнее время в моей комнате появляется какая-то чёрная тень, — сказал Лю Сюаньюн стоявшей за его спиной няне.

— Это, наверное, тень от штор, — няня решила, что Лю Сюаньюн насмотрелся страшилок.

— Это действительно чёрная тень, и у неё очень длинный язык! — Лю Сюаньюн схватил няню за руку.

Это Тао Фанъи пугал Лю Сюаньюна.

Этот ребёнок был слишком смелым и невнимательным.

Движение игрушек на него совершенно не действовало, приходилось пугать его напрямую.

Сначала Тао Фанъи боялся переборщить и нанести ребёнку психологическую травму.

Но потом оказалось, что тот очень быстро адаптируется. Немного побоявшись, он спокойно засыпал.

При этой мысли Ван снова хмыкнул.

— Когда этот ребёнок пугается, его лицо так перекашивается, ха-ха-ха, страшнее любого призрака.

Чэнь Син:

— ...

Будущее выглядело абсолютно беспросветным.

<http://bllate.org/book/16974/1588784>